

МАРИНА
Индиги

КСЕНИЯ
Амта

НЕСБЫВШАЯСЯ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Любовь

Марина Индиви

Несбывшаяся любовь

«Автор»

2026

Индивиди М.

Несбывшаяся любовь / М. Индивиди — «Автор», 2026

В прошлом Роману и Виктора связывало сильное чувство, но он все разрушил. В настоящем их не связывает ничего, кроме сына-подростка, которого похитили неизвестные. Теперь Виктору предстоит выяснить, кто стоит за похищением, а заодно и разобраться в своих чувствах к женщине, которая считает, что давно оставила его в прошлом.

© Индивиди М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Романа	5
Глава 2. Романа	7
Глава 3. Романа	9
Глава 4. Романа	11
Глава 5. Виктор	13
Глава 6. Романа	15
Глава 7. Виктор	17
Глава 8. Романа	19
Глава 9. Романа	21
Глава 10. Романа	23
Глава 11. Романа	25
Глава 12. Романа	27
Глава 13. Виктор	29
Глава 14. Романа	31
Глава 15. Романа	33
Глава 16. Романа	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ксения Лита, Марина Индиви

Несбывшаяся любовь

Глава 1. Романа

— Привет, зайки! — подлетев к нашему столику, Светлана скинула сумку на подставку и уселась на стул. — Ну, как дела? Что новенького?

Мы встречались таким составом с самого университета, с первого курса, и, что меня определенно радовало — никакие проблемы, заботы и сложности не разрушили нашу дружбу. Равно как и время, которое может разрушить абсолютно все.

— Я завтра улетаю на Мальдивы, — сообщила Иванна, постукивая пальцами с идеальным новеньким маникюром по столу. Она предпочитала стiletы, алые и красные оттенки — помада, одежда, туфли, аксессуары, в ее образе неизменно присутствовал алый цвет. В сочетании с огненно-рыжими волосами смотрелось сочно, ярко, вызываяще, поэтому не было ничего удивительного в том, что все мужчины в радиусе поражения сворачивали на нее шею.

— На Мальдивы? Так не сезон же? — Света, в отличие от нашей Вани, как мы ее называли, вообще была без макияжа и без маникюра. Ну то есть маникюр она делала, но когда получится, потому что с тремя сыновьями в возрасте от семи до пятнадцати, когда дети, дом и быт полностью на тебе, времени на себя остается не так уж и много.

— Там не бывает сезона, — отмахнулась Ваня. — Ну польет дождик, через пять минут опять жара и солнце.

— И чувствуешь, чем дышишь, — поддела ее Света, принимая меню из рук официантки, которая к нам подошла.

— Завидуйте молча, — фыркнула Ваня.

Дальше я ненадолго выпала из разговора, потому что мне пришла смс от Руслана: «Мам, я сегодня задержусь, не названивай».

Я подавила желание набрать его прямо сейчас. Хотя бы потому, что я никогда ему не названивала, за исключением одного случая, когда он исчез просто на ровном месте, как потом выяснилось — уехал с друзьями за город и «забыл меня предупредить». Я его попросила больше не забывать, и на этом все.

— Что там? Романа, у тебя наконец-то появился бойфренд? — Света толкнула меня локтем в бок.

— Скорее я выйду замуж, — хохотнула Иванна, но тут же стала серьезной: — Неужели?

— Это Руслан, — разочаровала я подруг, — написал, что задерживается и будет дома поздно.

— Какой он у тебя внимательный, — Света вздохнула. — Я Теме десять раз говорю: напиши, если куда-то идете, не сложно же, а он все время забывает. Еще и ругается на меня, что я его достала со своей гиперопекой. Насмотрелся этих современных блогеров-психологов...

— Справедливости ради, ты его иногда и правда задрачиваешь с перебором. — Ваня подвинула к себе запотевший бокал с коктейлем и подняла его за тонкую ножку так, что, поклясться могу, у мужиков за соседним столиком тоже все поднялось.

— Что, прости? — Света мигом пошла в наступление.

— Но у меня появился поклонник, — я перебила назревающий конфликт до того, как он вылился бы в бурное выяснение отношений и в столь же бурное примирение.

— О!

— Серьезно?

— Кто он?

Подруги мигом оживились и переключились на меня. Моя личная жизнь давно и бесповоротно отсутствовала: сначала мне надо было работать практически двадцать четыре на семь, чтобы было чем кормить Руслана, на что покупать ему одежду, чем оплатить садик. Когда я решила открыть свою первую кофейню, все внимание ушло туда. Потом мне надо было развиваться, потом масштабироваться, ну... вот как-то так и получилось, что в тридцать пять я бизнес-леди с сыном подростком. В принципе, теперь можно было подумать и о себе. Тем более что впервые за долгое время после того, что случилось с отцом Руслана, я на самом деле захотела с кем-то встретаться.

Роман занимался строительным бизнесом, у него был сын от первого брака, которым он вполне успешно общался, оставшись в хороших отношениях с бывшей женой. Мы познакомились на бизнес-встрече, разговорились и оказалось, что у нас в принципе много общего. Во-первых, дети примерно одного возраста. Во-вторых, принципы ведения бизнеса и отношение к тому, что мы делаем. Сначала наше общение было исключительно деловым: он предложил мне открыть кофейню мини-формата в только что сданном и активно заселяющемся арендаторами бизнес-центре. А потом он отправил мне роскошный букет цветов, который курьер с трудом затащил ко мне в квартиру, и пригласил на свидание.

Обо всем этом я рассказывала подругам, и все шло хорошо, пока я не упомянула имя Роман в сочетании со строительным бизнесом.

— Его зовут Роман? — улыбнулась Света. — Будете у нас Роман и Романа?

— погоди, ты сказала он в строительном бизнесе? Не Вербицкий ли случаем?

Я приподняла брови, а Иванна наморщила нос.

— Он перфекционист и зануда.

— Я же говорю, мы идеально совпадаем, — хмыкнула я. — Откуда ты его знаешь?

Подруга дернула плечом.

— Да так, пересеклись на одном мероприятии в Дубае. Я была с Димой, а у них какие-то дела. Ладно, не бери в голову, так когда вы встречаетесь?

— Через пару дней он вернется из командировки, и мы договоримся по поводу ресторана.

— Здорово как, — Светлана сделала заказ, подперла ладонями подбородок. — Тогда, пожалуй, я уже могу тебе рассказать...

— Рассказать что?

— Вадим сказал, что Виктор сейчас в городе.

Глава 2. Романа

«Виктор сейчас в городе».

Я никак не отреагировала, пока сидела с подругами в ресторане, нашем любимом со времен университета. Это была простая пиццерия, простая, но уютная, и там мы всегда словно возвращались в беззаботное прошлое нашей молодости. Не всегда, правда, оно было беззаботным, а еще лучшего места, чтобы вернуться в прошлое сложно было найти. Возможно, именно поэтому меня так накрыло, когда я возвращалась домой. Накрыло не только меня, город накрыл летний дождь с грозой, и дворники работали изо всех сил, не справляясь с погодой. На шоссе на несколько километров растянулась пробка: самое то, чтобы побыть одной и подумать.

Я не тешила себя мыслью, что Виктор Огнинский (или, как его звали в универе, Бёрн) вообще меня помнит, и это меня успокаивало. Гораздо лучше скачущих туда-сюда дворников, гипнотизирующих на уровне практикующих приемы НЛП. Мне совершенно не нужно было, чтобы он меня помнил, и уж тем более мне не нужно было, чтобы он догадался, что Руслан — его сын. Мы поставили в наших отношениях точку шестнадцать лет назад, пусть все так и останется.

Закрытый подземный паркинг под новым ЖК, где я недавно купила себе квартиру, зашумел закрывающимися рольворотами, когда я заехала. Я поставила машину на свое место и пошла к лифту. Стараясь не думать о том, что сказала Светлана: «Он здесь ненадолго, буквально на пару дней. У него какое-то важное дело».

— Какое? — поинтересовалась Ваня.

— Не знаю, Вадим говорит, что-то важное. Он не уточнил. Он никогда не уточняет.

Муж Светы, Вадим, тоже был бизнесменом, но это был бизнес совершенно иной лиги. Не того уровня, как у меня или у Романа, а вот Виктор Бёрн отлично вписывался в те круги.

Все, ни единой больше мысли про Виктора Бёрна.

Я бросила ключи в шкатулку, стоящую в прихожей специально для этого, стянула обувь и прошла в комнату, на балкон с панорамными окнами. С двадцать третьего этажа открывался роскошный вид на залитый дождем город. Гроза стягивала облака и уходила в сторону, и полетному высокое небо светлело на глазах.

Шестнадцать лет назад я и подумать не могла, что у меня когда-то будет своя квартира в таком районе. Что у меня будет чудесный сын, которого я воспитаю и который уже старшеклассник. Что я пройду через столько всего, и все у меня будет хорошо. Потому что шестнадцать лет назад я осталась с разбитым сердцем и мыслями, что моя жизнь кончена. А потом я узнала, что беременна, и... все изменилось.

Я переоделась в легкий домашний костюм и босиком отправилась на кухню. Мне всегда нравилось ходить босиком, поэтому я выбирала такие полы, по которым будет приятно ходить именно так. В раковине предсказуемо обнаружилась грязная посуда, я быстро загрузила ее в посудомойку и устроилась с ноутбуком на диване. Мне нужно было просмотреть аналитику за последний месяц, этим я и занялась. А когда пришла в себя, обнаружила, что летний поздний вечер уже почти полностью поглотил краски с неба и укутал город теплыми сумерками. И что Руслана по-прежнему нет дома.

Я написала ему прямо в мессенджер: «Мы же договаривались до десяти».

В отличие от Светы, которая временами действительно перегибала палку с Артемом, я давала Руслану практически безграничную свободу. Хотя у нас были определенные правила — такие как предупредить заранее, возвращаться до десяти, если привел друзей в мое отсутствие, не устраивать в квартире бардак и не шуметь, и так далее.

Света говорила, что я его слишком сильно балую, я же прекрасно знала своего сына: он с детства был вылитый отец. Что внешне, что по характеру, запрещать Руслану что-либо было бы бессмысленно, он бы все равно делал все по-своему, просто в обход меня. Как ни странно, помогло мне именно то, что обычно ставят в противовес детям — бизнес. Именно там я училась договариваться и искать компромиссы, и именно это помогло мне в общении с собственным сыном.

Я глянула в мессенджер и только сейчас заметила, что последний раз Руслан заходил два часа назад. Странное незнакомое чувство холодком скрутилось вдоль позвоночника, как змея. Я никогда не паниковала по поводу того, что Руслан задерживается и не сходила с ума, если он мне не пишет сто десять сообщений о том, где он и как он, кто-то назвал бы меня отвратительной матерью, но... сейчас мне вдруг стало не по себе.

Я схватила смартфон и нажала быстрый набор, чтобы узнать, что его телефон выключен. Змея вокруг позвоночника закрутилась сильнее, я почувствовала, что мне становится нечем дышать. Но, раньше чем я успела сделать вдох, мне в Телеграм пришло сообщение: «Тебе не стоило скрывать его от меня».

Глава 3. Романа

От этого сообщения у меня потемнело перед глазами. Но, прежде чем я успела написать ответ или перезвонить, сообщение растаяло, и пользователь исчез вместе с ним, словно ничего и не было.

Я спихнула ноутбук на диван и леденеющими пальцами набрала номер Стаса, одноклассника и лучшего друга Руслана, с которым они были не разлей вода с детства. Если один начинал заниматься скейтбордингом, второй тоже шел набивать шишки на заднице, если один решал пойти в ИТ, то и второй начинал осваивать навыки программирования. Если Руслан задерживается допоздна, значит, они на общей со Стасом вечеринке.

— Романа Викторовна? — У Стаса даже голос был удивленный: хоть он и стоял у меня на быстром дозвоне, я обращалась к нему редко. Я старалась давать сыну свободу, а не душить его контролем. Но, кажется, перестаралась. — Добрый вечер! Что-то случилось?

Случилось что-то плохое. Не в моей привычке было волноваться на пустом месте, но сейчас змея паники продолжала закручиваться вокруг позвоночника ледяной спиралью.

— Привет, Стас! Руслан с тобой?

«Скажи, что он с тобой!» — мысленно взмолилась я.

— Рус уехал пару часов назад. Должен был уже быть дома.

— Его нет дома, — я постаралась, чтобы мой голос звучал спокойно, но ничего не получилось. Моя паника только набирала обороты. — И его телефон выключен. Куда он мог пойти? С кем?

«Ты знаешь, где он, — зашипела та самая змея внутри. — Точнее, у кого».

— Я спрошу у парней и перезвоню вам, — пообещал Стас и отключился.

Если бы не то сообщение, я бы ждала и надеялась, что мой сын просто загулял, но оно было, и я сразу набрала Свету.

— Мне надо знать, где остановился Бёрн, — начала я без предисловия. Во-первых, я была на взводе, во-вторых, мы с ней уже сегодня здоровались. — Можешь спросить у Вадима?

— Зачем тебе? — опешила подруга.

— Расскажу после.

После того, как я верну сына.

— Ром, ты что, собираешься с ним встретиться?

— Света, просто узнай! — не выдержала я.

— Я и так знаю, — обиделась подруга. — В доме отца. Что у тебя случилось...

— Спасибо. Потом объясню, — пообещала я и, не прощаясь, положила трубку.

И сразу понеслась: даже не стала переодеваться, выбежала из дома в пижамном костюме, только вбила ноги в кроссовки и схватила ключи от машины. Обратиться в полицию? Я знала, что детей сразу объявляют в розыск. А подростков? В другой ситуации я бы так и поступила, но послание от Бёрна неоновой вывеской горело в сознании: несмотря на то, что давно исчезло с экрана моего телефона.

Я знала, где находится дом Огнинского, была там пару раз. Его даже сложно было назвать домом. Скорее уж городским особняком. Отец Бёрна был поклонником модерна и построил дом таким, что на вид ему можно было дать лет сто. Все эти изогнутые формы в экстерьере, арки и башенки навевали о мысли о Гауди и Испании. К особняку прилагался огромный яблоневый сад и личный причал. Когда я впервые увидела эту красоту, то почувствовала себя Золушкой в сказке, которая встретила принца. Но мои глупые мечты быстро разбились: принц из Бёрна был никакой, да и из меня Золушка вышла никудышная.

Двухэтажный особняк находился в черте города, но в районе по соседству с такими же домами, которые надежно прятались за высокими заборами. Хорошо хоть здесь не было закры-

той территории, только заборы, иначе бы я не пронеслась на машине с такой скоростью, которой позавидовали бы все мировые гонщики. Дом Огнинского находился в самом конце улицы, возле реки. Его тоже защищал здоровенный каменный забор и внушительные металлические ворота.

Я припарковала машину и заглушила мотор. Одного взгляда в зеркало хватило, чтобы понять, что я похожа на призрака, но мне сейчас было совершенно наплевать на собственную внешность. Подхватив телефон, я толкнула дверь. На улице после дождя было свежо и влажно, но я почти не чувствовала холода снаружи, потому что меня сложно вымораживало изнутри. С тех пор, как я узнала, что мой сын непонятно где, я словно медленно замерзала внутри. Чувство, которое я бы не пожелала испытать ни одной матери.

Высокие фонари освещали безлюдную улицу: даже если моего мальчика сюда привезли, об этом никто не узнает. Но я старалась не думать о том, как может быть растерян или напуган Руслан, поэтому от души впечатала палец в кнопку звонка.

— Я вас слушаю, — раздался мелодичный женский голос.

— Я к Виктору Огнинскому, — рявкнула я. — По приглашению.

— А кто вы?

— Романа Аверина.

Домофон затих и молчал достаточно долго для того, чтобы я снова нажала на звонок. Учитывая, что Бёрн меня ждал, он слишком медленно реагировал. Но вместо ответа просто раздался сигнал, и калитка распахнулась, впуская меня на территорию особняка.

Все осталось именно таким, как я помнила: аккуратно подстриженный газон, сад, каменная дорожка, уводящая к веранде. А вот вышедший на крыльцо мужчина сильно изменился. Вместо старшекурсника, в улыбку которого я когда-то влюбилась, передо мной стоял матерый хищник — он раздался в плечах и сейчас казался полностью высеченным из камня. От биологического отца Руслана веяло властью и холодом.

Глава 4. Романа

Этот холод не отменял того, что меня всю перетряхнуло. Как было каждый раз, когда я оказывалась рядом с Бёрном. От взгляда темных глаз, которые когда-то казались самыми родными. От того, что будто и не было этих шестнадцати лет, моей жизни вдали от него. Словно я не была взрослой, самостоятельной и уверенной в себе женщиной. Один только этот взгляд заставил меня снова почувствовать себя девочкой-студенткой, которая еще только начинает жить, вступая в первые серьезные для нее отношения. Ключевым словосочетанием здесь было «для нее», потому что Виктору всего лишь нравилось меня трахать. А еще я здорово почесывала его эго тем, что смотрела на него с обожанием, влюбленными глазами. Потом, видимо, это зачесалось сильнее, или моего обожания стало недостаточно.

Проблема заключалась в том, что Бёрн с возрастом стал только лучше, как дорогой алкоголь, даже тонкие складки мимических морщин и легкая небритость только добавляли ему лоска. Но даже не внешность была его фишкой, а аура властности и давящей силы. Он пах опасностью, если встать у него на пути — раздавит и не заметит.

А я, кажется, встала. Только отдавать сына или играть в его игры с исчезающими сообщениями я не собиралась!

— Где он? — потребовала я без предисловий, влетая на веранду и останавливаясь перед Огнинским.

Я уже и забыла какой он высокий и огромный. Настоящий гигант! Когда-то мне это нравилось, что он легко таскает меня на руках. А сейчас даже со своим ростом в метр семьдесят я почувствовала себя слишком маленькой и ничтожной. Всего лишь на секундочку, потому что это меня не остановило. Вряд ли существовал кто-то или что-то, что способно было меня остановить в данную минуту!

— Кто? — надменно поинтересовался Бёрн, подкидывая дровишек в огонь моего гнева. Его голос был отдельной песней, в прошлом я сходила с ума по тому, каким глубоким и чувственным он мне запомнился. В настоящем же меня сводила с ума неизвестность и мой похищенный ребенок.

— Сам знаешь, — огрызнулась я и попыталась его обойти, чтобы нырнуть в открытую дверь. И охнула от железной хватки Огнинского, который сжал пальцы на моем локте. Меня обожгло, словно раскаленным металлом.

— Не знаю, Романа.

— Ты издеваешься надо мной? — выдохнула я ему в лицо и закричала: — Руслан! Руслан, я здесь!

— Какой Руслан? — Его глаза потемнели от гнева, я хорошо помнила, что они становятся как ночные бездны.

— Тот, которого ты похитил и удерживаешь в своем доме!

Я от души наступила ему на ногу и попыталась прорваться в дом, но Бёрн лишь выругался и перехватил меня за руки.

— Замри! — холодно приказал он, подтянув меня к себе. — Ты меня заинтриговала своим появлением, но если соскучилась, могла бы придумать что-то более оригинальное.

Он просто взвалил меня на плечо и потащил к воротам, а я слегка растерялась. Потому что ждала шантажа, манипуляций, словесных унижений, ультиматумов, но не того, что меня просто вышвырнут.

— Ты прислал сообщение! — рывкнула я, и от резкой смены положения, когда меня снова поставили на ноги, закружилась голова.

— Показывай, — прорычал Бёрн.

— Оно исчезло вместе с аккаунтом пользователя.

— Удобно, Романа.

— Это Телеграм, — процедила я. — Никто не мог его отправить, Виктор. Никто, кроме тебя.

Я посмотрела ему в глаза, стараясь уловить в них игру. Бёрн был тем еще манипулятором и умело играл чувствами других. В частности, моими. Но чем дольше я смотрела ему в глаза, тем отчетливее понимала, что он не играет.

— Что было в том сообщении, Романа?

— Что Руслана забрали, — пробормотала я, пытаюсь до конца осмыслить свой вывод. Что, в общем-то, Бёрн не в курсе. Он не в курсе этого послания, и он только подтвердил мое открытие, когда поморщился и зло спросил:

— Кто такой Руслан? Твой муж?

— Мой сын, — выдохнула я.

— И ты решила, что я забрал твоего сына? — он лениво вскинул бровь. — Зачем мне это делать, Романа?

Проще всего было сказать, что не за чем. Просто уйти, как когда-то в прошлом. Дальше скрывать сына от Бёрна, с чем я долго и успешно справлялась. Пусть бы считал меня безумной бывшей. Но тот, кто отправил сообщение, привел меня к Виктору Огнинскому. Он хотел, чтобы я сюда приехала. Или чего он хотел? Я не разбиралась в мотивах людей, которые похищают детей. Ясно одно: Руслана забрали из-за Бёрна, а значит, Виктор — единственный, кто может помочь.

Я обхватила себя руками, пытаюсь согреться под холодным взглядом мужчины, и призналась:

— Потому что Руслан — и твой сын тоже. Его похитили из-за тебя!

Глава 5. Виктор

Она, нахрен, издевается?!

Смотрю на женщину, которую не видел уже шестнадцать лет, стараясь не думать о том, что осталось в прошлом. В свои тридцать пять она выглядит как гребаная голливудская звезда. А еще она умудрилась приехать в домашней, мать ее, пижамке — и с порога наехала на меня из-за какого-то Руслана. Когда я услышал ее имя, сначала не поверил, думал, меня проглючило. Но нет, по дорожке ко мне бежала именно она, Романа Аверина. Будь на ее месте любая другая, я бы заподозрил, что это такой способ наладить отношения. Но в рамки ее образа это совершенно не вписывается.

«Потому что Руслан — и твой сын тоже. Его похитили из-за тебя!»

Когда я улетал в Штаты, в груди зияла пустота размером с Большой Каньон, а когда отец сообщил, что она залетела, первое, о чем я подумал — она беременна от меня. Но все оказалось гораздо более прозаично, Романа залетела от своего нового парня, с которым начала встречаться раньше, чем я успел разложить вещи в Остине.

И вот сейчас она заявляет, что этот ребенок, мать ее, мой сын. И что его похитили из-за меня!

— Ты залетела от Артема, — говорю я.

— Так я сказала твоему отцу.

Не знаю, чего мне больше хочется сейчас: придушить ее или трахнуть. Потому что если она врет, а она соврала в любом случае — либо сейчас, либо в прошлом, это пиздец. Это значит, что у этой женщины нет ничего святого, нет и никогда нахрен не было. Потому что, как бы мы ни расстались, я имел право знать о том, что этот ребенок мой. Хотя я склоняюсь к тому, что сейчас ей просто нужна моя помощь, и она придумала это, чтобы я вытащил ее сына из той задницы, куда бы он там ни вляпался. И это еще больший пиздец.

— Хочешь, чтобы я тебе поверил? — усмехаюсь, хотя внутри все сводит от ярости. Вся ее привлекательность мигом превращается в оружие, которое эта женщина использует, чтобы сеять вокруг себя хаос. Даже эта ее трогательная беззащитность, эта ее пижамка, в которой она приехала — все это часть игры.

— Мне плевать, веришь ты мне, или нет. Руслан уехал от друга больше трех часов назад, обычно он всегда предупреждает, если задерживается...

— Может, ты просто его достала.

Она вздрагивает, как от пощечины, но потом добавляет:

— А потом я получила сообщение. «Тебе не стоило скрывать его от меня». Это имеет прямое отношение к тебе, Виктор, потому что это произошло, как только ты приехал в город. Кто бы мне его ни отправил, он знал о том, о чем знали только самые близкие.

Романа не выглядит как женщина, которая врет. Сейчас. Она выглядит как мать, которая сходит с ума из-за потери ребенка и готова на все, но правда, которую она пытается протолкнуть в меня в эту самую минуту, разрушает все.

— Ты поможешь мне, или нет?

Если все это правда — то, что она мне говорит, это значит, что действовать надо быстро. Разобраться с остальным я смогу потом. А сейчас...

— В дом, — командую я, кивая на крыльцо, с которого мы только что спустились. Точнее, с которого я ее только что спустил. — Мне нужна вся информация, все контакты его друзей, все адреса.

— Да, я все тебе предоставлю, — она достает смартфон прямо на ходу.

— Давай сюда.

— Что?

— Телефон. Разблокируй и отдай мне.

Пару мгновений она колеблется, прежде чем сделать то, что я сказал, но потом все же протягивает его мне. От прикосновения хрупких пальцев словно прошивает током, но я не позволяю себе даже на мгновение задержаться на этом ощущении. Открываю дверь, пропуская ее вперед, потом указываю в сторону гостиной:

— Сиди там.

— Но я...

— Я сказал: сиди там. Если тебе нужна моя помощь. Либо можешь прямо сейчас отправляться в полицию.

Разумеется, я бы никуда ее не отпустил, но Романа об этом не знает. На мгновение в ее глазах сверкает ярость, после чего она кивает.

— Что ты собираешься делать?

Я смотрю ей прямо в глаза. Я отлично помню, что в зависимости от освещения или ее настроения они могут быть как серыми, холодными, как лезвие, так и темно-зелеными. Это ее удивительная особенность, ее радужки, в которую вплетаются сразу два цвета.

— А вот это уже совершенно не твое дело, — отвечаю, разворачиваясь к ней спиной. Чувствую ее взгляд всей кожей, но ухожу раньше, чем скажу или сделаю что-то очень жестокое. Потому что, видит Бог, сейчас я близок к этому как никогда.

Глава 6. Романа

Наверное, не лучшее решение отдавать собственный телефон бывшему, с которым мы расстались, мягко говоря, ужасно. Но, кажется, это какой-то инстинкт, старая привычка, срабатывающая всякий раз, когда Бёрн оказывается в зоне доступа. Говорят, что если каталась в детстве на велосипеде, то, сев на него в сознательном возрасте много лет спустя, память тела вспомнит забытый навык, и ты легко покатишься навстречу ветру. Так и у меня с Огнинским. Однажды я убедила себя, что ему можно доверять, и вот, пожалуйста! Теперь я доверила ему самое дорогое, что у меня есть. Точнее, того, кто у меня есть.

Руслана.

Я не просто села, упала на диван и зажала ладони между коленей в жалкой попытке унять дрожь во всем теле и думать о том, что у меня все получится. Что у Огнинского получится. И что вообще из этого что-то хорошее выйдет. Это была моя суперсила — верить в хорошее. Видеть в людях светлые стороны, даже если они сотканы из сплошной тьмы. Нет, я не была лохушкой или святой. Я просто замечала в людях потенциал, и это здорово помогало мне строить мой маленький бизнес. Я выбирала лучших сотрудников или партнеров, работала с теми, кто хотел работать и развиваться вместе со мной, и вместе с этими людьми мы успешно росли вместе.

Я верила в свою интуицию, она спасала меня не раз. Но сейчас я ни в чем не была уверена. Бизнес — не равно человеческая жизнь. Я в нем ошибалась множество раз, на этих же ошибках его и строила. В случае со здоровьем и жизнью собственного сына права на ошибку у меня попросту не было.

Либо полиция, либо Огнинский, который во всем этом замешан, раз некто решил столкнуть нас с ним лбами. Не знаю я про его связи, может быть, пошла бы на попятный. По жесткому взгляду Виктора видела, что он мне не верит. Я столько лет хранила эту тайну, что, будь я на него месте, сама бы себе не поверила. Но когда я раскрывала свой секрет, я готова была на все, на абсолютно все, чтобы мой сын вернулся домой целым и невредимым. Даже на сделку с самым дьяволом! Сейчас же...

Оказавшись в доме Огнинского-старшего, в гостиной, которая как и весь особняк осталась именно такой, какой я ее помнила, картинки прошлого посыпались на меня, как из рога изобилия. Особенно яркой была последняя встреча с Романом Федоровичем Огнинским, отцом Виктора.

Я только родила Руслана и лежала в родильном отделении, в палате с другими женщинами. Но мне вдруг сказали, что меня переводят в платную. Я не знала, почему, но могла догадаться. Правда, появление Огнинского-старшего стало для меня сюрпризом: наверное, я до последнего ждала, что увижу Виктора. Живущая во мне наивная влюбленная девчонка все еще верила, что он передумает и прилетит за мной. Где бы и с кем бы он ни был.

Вместо Виктора ко мне в палату вошел его отец, который даже не потрудился накинуть белый халат — обязательный атрибут визитеров больницы. Меня всегда пугал это мужчина. Есть акулы бизнеса, а Роман Федорович был тиранозавром. В глубине его взгляде всегда плескалась какая-то жесткость и надменность, словно он король, а все вокруг жалкая челядь. Хотя почему «словно»? Он и был королем. Жестокий, властным, не прощающим ошибок тираном. Строгий, идеально сидящий костюм не позволял обмануться, что перед тобой волк, а не человек. Я и не обманывалась, не отрываясь, следила за вошедшим мужчиной, который бросил роскошный букет красных роз на столик и лениво разместился в кресле, будто на троне.

Я успела покормить Руслана, прежде чем его забрали медсестры, поэтому мы могли поговорить без свидетелей. Уверена, что он хорошо заплатил, чтобы никто нам не мешал. Денег

у Романа Федоровича было столько, что он давно перестал их ценить. Его основной валютой была власть. В преступном мире его называли Князем.

— Поздравляю, Романа, с рождением здорового сына! Твои любимые, — он кивнул на цветы. Я любила пионы, но спорить не стала.

— Благодарю, Роман Федорович. Зачем вы здесь?

Он вскинул густые брови.

— Как это зачем? Проведать тебя. И внука.

Я хорошо помню, как тошнота подступила к горлу. Во всем теле разлилась слабость, и это были вовсе не последствия родов. Я с самого начала решила, что этот ребенок мой и только мой. Он не имеет никакого отношения к Огнинским. И одной из причин моего решения был этот мужчина, взгляд которого сейчас пробирал до мурашек и вырезал на моем сердце жуткие уродливые шрамы.

Я знала, что один из самых влиятельных людей города может сделать так, что мой сын ни в чем не будет нуждаться. У него будет все самое лучшее: игрушки, образование, будущее. Но при этом у него не будет матери. Князь отнимет у меня Руслана, а меня уберет из его жизни. Так или иначе.

Поэтому я нацепила на себя самую идиотскую улыбку и ответила:

— Внука, Роман Федорович? Я бы только счастлива была сказать, что Руслан — сын Виктора. Жила бы как у бога за пазухой, ни в чем не нуждаясь. Но, к сожалению, это сын Артема Томарова.

Скручивающиеся в спираль внутренности не давали мне спокойно вдохнуть, но я все равно продолжила:

— Говорю это сразу, потому что вы все равно проверите. Настойте на генетической экспертизе. Поэтому я даже не пытаюсь играть с вами в эти игры.

Следующую минуту, пока Князь меня изучал, я не дышала, а от его вопроса упала бы, если бы не полусидела на кровати:

— Значит, ты не против ДНК-теста?

— Да пожалуйста, — отмахнулась я, глядя этому хищнику в глаза. — Только за ваш счет, естественно.

Я тогда блефовала так, как, наверное, никто не блефовал. Но цинизм и расчет были у отца Виктора в крови, поэтому я говорила на его языке. Говорила и мысленно молилась, чтобы он поверил в то, что мне все равно, что я — расчетливая особа, которая своего не упустит.

— Ладно, я тебе верю, Романа. Ты умная девочка, — сказал он, поднимаясь. — Есть же хитрые бабы, знаешь ли. Они ради денег на все пойдут. Жаль, конечно, что он не Виктора. Я бы взял внука на воспитание.

— Жаль, — улыбнулась я. Актерским талантом я не обладала, но буквально боролась за жизнь своего сына. — Спасибо вам за палату.

— Прощай, Романа.

Я выждала две минуты после ухода Князя и потом еще столько же сжимала подушку, пока меня колотило от страха и перенапряжения.

После я еще несколько недель от вздрагивала от каждого звонка и боялась, что Огнинский все-таки решит меня проверить и сделает генетическую экспертизу. Не сделал. И я думала, что мой секрет так и останется со мной.

Но сейчас резко пришла мысль: что, если я ошиблась? Что, если зря призналась во всем Виктору? И что самое важное: что я буду делать после того, как он найдет Руслана?

Что если Бёрн захочет забрать моего сына, как когда-то его отец?

Глава 7. Виктор

— Твоего сына забрали люди Монаха.

Еще до того, как я это услышал, я уже это знал. Знал в точности так же, как и то, что отец оставил мне криминальное наследство, с которым предстояло разобраться. Я был его единственным сыном и, несмотря на многочисленных любовниц, таковым и остался. Видимо, в отличие от большинства современников, Князь умел пользоваться презервативами, а может быть, отлавливал девиц, желающих от него залететь, на подлете, и отправлял на аборт. Вот такой вот циничный каламбур, но сейчас мне было не до размышлений про отца и даже про его наследство.

— Где они его держат?

— Заброшенный совковый санаторий за городом. — Герман, правая рука отца, всегда говорил коротко и по существу. — Я могу прямо сейчас подтянуть ребят, мы его заберем.

— Дождитесь меня.

— Ты уверен?

Он как никто другой знал, что отец не хотел, чтобы я в это лез. Отчасти поэтому, наверное, и отправил меня тогда в Штаты. Точнее, как отправил... я был уверен, что это на сто процентов мое решение. Теперь уже не настолько.

— Да. — Я закинул адрес в навигатор. — Буду через сорок минут.

Они его не убьют. Если бы хотели, мы бы ничего не узнали, а тело Руслана нашли бы где-нибудь на обочине, и я бы постфактум узнал, что у меня *был сын*. Это повергало в бешенство, которое сейчас было совершенно некстати. Мне нужна была трезвая голова, когда я приеду на место.

Над ночным городом снова стягивались тучи, а руль под моими ладонями казался просто раскаленным.

Она не имела права мне не сказать.

Мысли о Роме, о том, что осталось в прошлом, встряхивали ярость, как жидкий огонь внутри, не позволяли сосредоточиться, и я запретил себе о ней думать. По крайней мере, пока Руслан не будет у нас, я не стану думать об этой женщине и о том, что могло бы случиться из-за нее. Тем более что этого не случилось.

Пока не случилось.

Лучше сосредоточиться на текущем.

Будучи сыном Романа Огнинского, я с детства знал, что наш город поделен на две территории влияния. Да, как в тех самых фильмах, которые любили крутить в девяностых, и которые домохозяйки засматривали до дыр из-за неподкупных полицейских, отполированных сценаристами до идеальности, или brutальных бандитов с большим сердцем, в котором обязательно находилось место для одной-единственной женщины.

Одна часть города принадлежала моему отцу.

Вторая — Монаху. О нем ходило множество слухов: начиная от того, что он в прошлом реально был монахом, но потом ему надоело служить Господу, и он занялся криминалом, и заканчивая тем, что он побывал в Афгане совсем мальчишкой, где заменял священника, читая молитвы над погибшими однополчанами. По большому счету, мне было плевать, из какой дыры вылез этот хрен, меня интересовало исключительно настоящее, а в настоящем он продолжал оправдывать свое прозвище. Он не был женат, не интересовался сексом, и, по понятной причине, наследников или наследниц у него тоже не было. Он исправно посещал церковь и был идеальным прихожанином. Бы. Если бы не все, что он творил параллельно.

До определенного времени они с отцом друг друга не цепляли. Но отец был значительно старше, и между ними что-то произошло. Что-то — потому что даже Герман не знал о сути

их последнего разговора, но предполагал, что у них случился конфликт интересов. Когда я только приехал в город два дня назад, Монах прислал мне приглашение встретиться. Которое я проигнорировал.

Две машины стояли на обочине в ряд, я остановился за последней и вышел, сунув пистолет за пояс брюк. Отец учил меня стрелять, едва мне исполнилось восемнадцать, в Штатах я продолжал практику, но только сейчас оценил это все по-настоящему. Герман подошел ко мне первым.

— Уверен, что хочешь во все это лезть?

— Уверен.

Отец говорил, что нельзя достать бриллиант из дерьма, не запачкав руки — кто бы мог подумать, что однажды это его высказывание я тоже оценю по достоинству.

Мы выдвинулись ввосьмером: разрушенный остов санатория не было видно за листьями металла. С тех пор, как один идиот свалился с шатающейся лестницы и свернул себе шею, здесь все обшили железом еще когда я уезжал. За попытки проникнуть на территорию полагался штраф, о чем сообщали таблички по всему периметру. Зайти можно было разве что со стороны реки, и то крайне осторожно.

— Сколько их там? — уточнил я.

— Неизвестно. Но вряд ли много. По камерам видна одна машина, гелик, на котором его увезли. Вряд ли со стороны реки подтянули остальных, не тот случай.

— Просто предупреждение?

— С наибольшей вероятностью. Ты бы поговорил с ним, Вик. Заодно узнаешь, почему они в курсе про пацана, а ты нет.

В курсе? Или это была просто попытка проверить, насколько меня можно зацепить. Я не стал озвучивать свои мысли, потом разберусь. Один из парней Германа осторожно отогнул лист железа, которым легко можно было снести голову, и первым пошел его напарник. Затем еще двое ребят.

— Чисто, — донеслось с той стороны, и мы с Германом, пригнувшись, шагнули на заваленную камнями, хламом и дерьмом в прямом и переносном смысле территорию. Трава здесь колосилась по пояс, со стороны вонючих останков здания не доносилось ни звука. Я поразился тому, как бесшумно двигаются парни и Герман, мне оставалось только смотреть под ноги и не наступить на какую-нибудь хрень. Они оставили его телефон, значит, хотели, чтобы мы его нашли.

В тишине, казалось, я слышу биение собственного сердца.

Шагнув в провал когда-то бывший дверью, я снял пистолет с предохранителя. И в холле, посреди ощерившейся камнем и гнилыми досками пола, увидел его.

Глава 8. Романа

Я успела сотню раз пожалеть о том, что доверилась Виктору, и столько же раз накрутить себя и почти довести до панической атаки. Как вообще женщины с этим справляются? Мне не помогали ни техники успокаивающего дыхания, ни аффирмация «все будет хорошо». В каком-то смысле даже хорошо, что Бёрн отобрал у меня телефон, иначе сейчас я бы неистово листала новостные ленты с замиранием сердца и надеждой, что про моего сына там ничего не будет, и с ним все в порядке.

В гостиной Огнинских даже телевизора не было: еще одна блажь покойного Романа Федоровича. Он считал, что телевидение разжижает мозги. Что касается меня, я предпочитала фоновым шумом музыку, джазовые или каверные радиостанции болтовне диктора или вечно орущей рекламе, а новости узнавала из пабликов или от Светы. Сейчас бы мне не помешала музыка или даже разговор с подругой. Потому что тишина дома-замка давила на плечи и мою взвинченную переживаниями психику.

Я сидела на диване, металась по гостиной, молилась, хотя особо никогда не была верующей, несмотря на то, что была крещенной. Руслана я тоже крестила и даже подарила ему красивый серебряный крестик на девятилетие. Он его очень любил и всегда носил. Хотя почему «любил», Романа? Любит до сих пор!

В конечном счете я переместилась на кухню и сделала себе кофе. Пришлось немного здесь похозяйничать, но я все же нашла баночки с кофе и разобралась с кофемашиной. Привыкший к стабильному графику организм был в шоке и не понимал, почему я не сплю в час ночи. Но с таким количеством адреналина я бы все равно не уснула.

Кухня, да и весь дом, казались пустынными и совершенно нежилыми. В прошлом здесь было многолюдно: у Романа Федоровича был штат прислуги и телохранители, которые дежурили даже ночью. Теперь все поменялось, судя по ухоженному саду и по отсутствию пыли, особняк не совсем забросили, но и жилым, и уютным его можно было назвать лишь с большой натяжкой.

Время словно замедлилось. Я не почувствовала вкуса кофе: ни на первой чашке, ни на второй. Сидела и прислушивалась. Мне бы плюнуть на все и уехать, все-таки поехать в полицию, искать самой. Но это было актуально до того, как Виктор уехал. Я была уверена, убеждена, что он с помощью отцовских связей что-то узнал. Нашупал. Только это меня побуждало оставаться на месте.

Ворота ожили, когда уже посветлело небо. Часы показали без десяти четыре. Я так и не сомкнула глаз, а от энного количества чашек кофе у меня уже подрагивали пальцы. Но я бросилась на улицу, как только услышала шум мотора. На подъездную дорожку вырулили сразу два черных внедорожника, больше похожих на бронированные сейфы на колесах. Я застыла на крыльце, всматриваясь в выходящих из машин: из первой появился амбал, в котором я узнала правую руку Романа Федоровича, Германа, а следом за ним — незнакомый мне коренастый мужик. Тогда мой взгляд метнулся ко второму «Гелендвагену», из которого вышел Виктор, а затем... Я чуть не рухнула вниз, когда из машины выбрался целый и невредимый Руслан.

Метры между нами показались бесконечными: я слетела с крыльца и обняла своего мальчика. Хотя вернее будет сказать — буквально повисла на нем, потому что за последний год Руслан здорово вытянулся, и теперь я едва дотягивала ему до плеча. Слезы потекли рекой, стирая все напряжение этой ужасной ночи.

— Мам, ну ты чего? Все же в порядке.

Я замотала головой и попыталась если не отлипнуть от Руслана, то хотя бы перестать глотать слезы.

— Точно все в порядке? — сдавленно спросила я, отстраняясь и всматриваясь в его глаза. У нас с сыном всегда были теплые отношения, если не дружеские, то очень близкие. Сейчас же он выглядел не только уставшим, но и раздраженным. Я знала этот взгляд. А еще, кажется, знала, в чем дело...

Я посмотрела на стоящего возле внедорожника Виктора, он никуда не ушел, скрестил руки на груди и с каменным лицом наблюдал за воссоединением нашей маленькой семьи. Я хотела сказать ему спасибо, но натолкнулась на яростный взгляд, и слова застряли в моем горле.

Сейчас, глядя на Виктора и Руслана, я поняла, что тут не нужны никакие генетические тесты: мой повзрослевший сын-подросток словно был молодой копией Бёрна. У Руса был мой цвет волос и светлые глаза, но в жестах, в мимике угадывался Виктор. У них даже взгляды из-под густых бровей были одинаковыми. Гневно-осуждающие и направленные на меня.

— Отец меня спас, — ответил сын. И я вздрогнула от сказанного им «отец». Значит, Виктор все рассказал, скотина! Не мог подождать?

— Руслан, — я снова потянулась к нему, но сын уже отступил к внедорожнику, тоже скрещивая руки на груди, осознанно или нет, копируя Бёрна. Я же перевела тяжелый взгляд на Виктора.

— Ты не имел права ему рассказывать.

— Не тебе рассказывать про мои права, Романа. — Голос Бёрна был ледяным. — Пойдем, поговорим в другом месте.

— Нам не о чем разговаривать! — отрезала я. — Мы с Русланом прямо сейчас едем домой.

— Я никуда не поеду, мама! — Упали камнем между нами слова сына. — Я остаюсь с отцом.

Глава 9. Романа

К такому нельзя подготовиться. К тому, что сын скажет тебе такие слова. Наверное, поэтому я вскинула глаза на Бёрна и с ненавистью выдохнула:

— Что ты ему сказал?!

— Правду? — Он вернул мне абсолютно аналогичный взгляд. — Ту, которую ты должна была сказать ему и мне?

От того, чтобы наброситься на него прямо здесь, меня удержало присутствие Руслана и контроль, который я взращивала годами. Уж точно не для того, чтобы сейчас он рухнул из-за этого мужчины.

— Рус, иди в дом, — произнес Виктор, — мне нужно пару минут наедине с твоей матерью.

Я все еще не верила в то, что это происходит. Это просто какой-то кошмар, кошмар, в котором я оказалась после того сообщения, разделившего мою жизнь на «до» и «после». Я в каком-то шоковом оцепенении смотрела, как Руслан уходит с Германом и вторым незнакомым типом в дом, уходит так спокойно, как будто знает их с детства, и у меня все поплыло перед глазами.

Я бы, наверное, впервые в жизни упала в обморок, если бы не кофе, от которого давление ушло в космос. Благодаря этому я удержалась на ногах и смогла сохранить лицо перед Бёрном, который смотрел на меня яростно и зло.

— Ты не имеешь права забирать его у меня! — прошипела я, сжимая кулаки. — Я не позволю...

— Да тебя ни один суд не оправдает, Романа, — холодно перебил он. В его глазах полыхал огонь гнева, и как он при этом умудрялся выглядеть как ходячий айсберг, для меня было загадкой. — Если бы я хотел с тобой судиться.

Конечно, мы оба прекрасно знаем, что его влияние и власть позволят забрать у меня сына даже без суда. Просто потому что он — Виктор Бёрн!

— Но я предлагаю тебе обойтись малой кровью. Руслан остается жить у меня, ты тоже можешь остаться. Я не стану возражать, если ты будешь жить в этом доме до его совершеннолетия. Условие первое: никаких мужиков. Узнаю — ты пожалеешь. Очень сильно.

От неожиданности я просто застыла.

— Ты предлагаешь мне стать твоей любовницей?!

Бёрн хмыкнул:

— Отказываться не стану, — он провел рукой по моей щеке, и я дернулась назад. Это чуть не стоило мне отбитого копчика, потому что дорожка в особняке была выложена под старину и не предусматривала передвижения по ней задом наперед. Виктор подхватил меня раньше, чем я распласталась бы по ней и ссадила себе локти, и выглядело это отнюдь не как в романтических фильмах. Когда весь из себя такой сильный мужик подхватывает тебя, над вами летят лепестки, и ты трепещешь в его руках аки лань.

Нет, в его руках я отчетливо поняла, что я попала в капкан. В капкан, из которого выбраться у меня нет возможности — по крайней мере, не в ближайшее время. От прикосновения его уверенных сильных ладоней меня прожгло до костей, я сглотнула, всем телом чувствуя каменные мышцы его рук.

Что-то мне подсказывало, что попытайся я закатить скандал или пойти в полицию — и кошмар станет адом.

— Я не стану с тобой спать, — отрезала я, рывком высвобождаясь из его рук, отступать больше не стала, и одного раза хватило.

— У меня хватает женщин, Романа, — он усмехнулся, а я разозлилась.

— То есть мне мужиков водить будет нельзя, а тебе девиц можно?

— Все верно, — его глаза потемнели, — а теперь решай. Ты возвращаешься в дом или идешь к себе в машину.

— Мне в любом случае нужно будет собрать вещи...

— Их соберут за тебя. Все, что тебе нужно. Просто напиши список.

— Мне нужно на работу...

— Кстати, об этом. На работу ты тоже ходить не будешь. Если останешься.

— Ты не можешь просто взять и разрушить мою жизнь! Перекроить ее так, как хочется тебе.

— Ошибаешься. Могу, и я это сделаю. — Его голос вибрировал от гнева, напоминая о мощи горных пород перед извержением вулкана. — Тебе надо было несколько раз подумать перед тем, как скрывать от меня Руслана.

Руслан. Я сделала это ради него, потому что была готова на все. Если мне в прошлом удалось обмануть Князя... точнее, заставить его поверить в то, что я не собираюсь скрывать от него внука, который для меня может стать золотой жилой, я что-нибудь придумаю и сейчас. Да, Виктор, так же, как и его отец, обладает огромной властью и владеет состоянием, которое исчисляется в миллиардах долларов. Но именно это является их слабостью: они считают, что все можно купить. Именно на этом прокололся Князь, увидев во мне обычную женщину, сильно расстроенную тем, что не смогла стянуть с него денег за рождение внука. Поэтому сейчас все, что мне остается — быть рядом с сыном, ну и, возможно, для начала попытаться договориться.

— Ты бизнесмен, — сказала я, — и ты наверняка знаешь, что у меня тоже свой бизнес...

— Нет, не знаю, я ничего о тебе не знаю, Романа.

— Но ты понимаешь, что бизнес требует моего внимания? Моего присутствия?

— Нет. Это ты не понимаешь, — он снова шагнул ко мне в упор, жестко взял меня за подбородок, заставляя поднять голову и смотреть на него. — У тебя нет выбора. Все, что тебе остается — это надеяться, что ты не ошиблась с подбором команды.

Он убрал пальцы с моего подбородка, как будто стряхивал дождевые капли или пытался стряхнуть с них собственное прикосновение, тепло моей кожи. После чего кивнул в сторону крыльца, и мне не оставалось ничего кроме как идти к дому. Спинай, всем телом ощущая пламенный, яростный тяжелый взгляд, обещающий мне веселую жизнь. Дающий понимание, что это только начало.

Глава 10. Романа

Если проблему под названием «Виктор» я оставила на потом, сейчас я собиралась поговорить с сыном.

В голове гудело, но я не была уверена, что это от недосыпа. Скорее, от новостей, которых за последние сутки стало слишком много на одну меня. Новость о том, что Бёрн снова в городе. Как предзнаменование всех последовавших за этим бед: похищение Руслана, признание, предательство сына. Разумом я понимала, что сын, который всегда мечтал об отце, наверняка услышал историю Виктора и разозлился на меня за ложь. А вот сердцем отказывалась принимать, что мальчик, которого я выносила, родила и вырастила, так легко и просто от меня отвернулся.

У этого должна была быть причина, и я была бы не я, если бы немедленно не отправилась за Русом.

Очевидно, вид у меня был достаточно уверенный или даже агрессивный, потому что спускающийся по ведущим на второй этаж ступенькам Герман сразу же рассказал, где мне искать сына.

— На втором этаже первая дверь направо. Старая спальня Виктора Романовича.

Я кивнула, помнила, где это. Постучала, несмотря на то, что дверь в комнату осталась нараспашку — привычка из нашей совместной с сыном жизни. Руслан в этот момент осматривался в комнате: она хоть и была далека от новомодных дизайнов, не выглядела старинной, как остальной особняк. В светлых тонах с черными вставками вроде кожаного дивана и книжных полок на стенах. С большой кроватью с ярко-синим покрывалом и огромным письменным столом. Сын как раз расположился в офисном кресле босса, а я прикрыла за собой дверь и, сложив руки на груди, подошла к нему.

— Ничего не хочешь мне сказать, Руслан?

— Тот же вопрос, мам. — Он посмотрел на меня исподлобья. — По-моему, ты много всего не договорила.

— А мужик, которого ты впервые увидел, конечно же, раскрыл тебе на все глаза? — Хотела бы я реагировать выдержанно и спокойно, но рядом с Бёрном у меня это не получалось. Вся моя выдержка рассыпалась осколками.

Я прикусила губу, собирая эти осколки, но каждое слово словно оставляло порезы на моей душе.

— Это не какой-то мужик, а мой настоящий отец, — взвился из кресла сын. — Ты говорила, что он отказался от нас. Отказался от меня, когда узнал, что ты залетела! Но отец даже не знал про меня.

Он с отвращением поморщился.

— Ты скрыла меня, мама. Обманула его и меня тоже.

— У меня были на это причины.

— Какие?! — рявкнул сын.

— Которые сегодня похитили тебя и вывезли... — Я сглотнула, вспоминая все предшествующие этому события, и потянулась к Руслану. — Что они с тобой сделали?

Сын, который всегда позволял обнимать себя, на этот раз отшатнулся.

— Ничего. Ничего со мной не сделали! Просто запихнули в машину, когда я подходил к нашему дому, и вывезли за город. Отец меня нашел.

— Просто запихнули?! — возмутилась я. — Руслан, ты себя слышишь? Отец тебя нашел, потому что я попросила его о помощи.

Сын криво усмехнулся.

— Если бы ты рассказала ему обо мне раньше, тебе бы не пришлось этого делать. Ты отобрала у меня отца, мам. Выставила его мудаком, которому я не нужен. А я ему нужен.

— А мать? — выдохнула я.

— Что — мать?

— Мать тебе не нужна?

Он снова поморщился.

— Что за манипуляции? Ты раньше до такого не опускалась.

— Никаких манипуляций, — покачала головой я, вонзаясь ногтями в собственные плечи. — Только констатация фактов. Ты жил бы с отцом и бабушкой-мафиози, но без матери. Периодически тебя бы похищали его конкуренты, как сегодня. Тебя бы это больше устроило?

— Да меня бы вообще не похитили, если бы ты меня не скрывала! — почти прорычал Рус. — Если бы ты мне все рассказала, я, по крайней мере, был бы готов к этому. Так что ответ на твой вопрос — нет!

— Что — нет? — растерялась я.

— Лживая мать мне не нужна.

Я никогда не была Руслана, даже в детстве ни разу не дала по жопе, когда он закатывал истерики. Но сейчас у меня буквально руки зачесались хлестнуть этого незрелого мальчишку с размаху по лицу. Потому что так больно, как от этих слов, мне еще никогда не было. Больно, обидно.

Но я не успела ничего сделать, как-то ответить. Только вздрогнула от жесткого голоса Виктора за моей спиной:

— Извинись.

— Она права. — Рус был бы не Рус, если бы не стал спорить.

— Это не отменяет того, что она твоя мать.

Сын посмотрел на Виктора со смесью злости и непонимания, но затем с силой вытолкнул из себя:

— Прости.

В его извинениях не было ни капли искренности и доверия, которое я по крупицам выстраивала долгие пятнадцать лет. Но, кажется, по жопе сын все-таки получил, пускай и ментально. Меня же посыл Виктора только сильнее раздражал. Потому что он влез туда, куда не имел права! Еще больше я драконилась от того, что сын не постеснялся кинуть обвинения мне в лицо, но сразу же пошел на попятный, стоило новообращенному отцу надавить.

Эту битву я проиграла. Хотела вернуть Руслана, но проиграла. Он с легкостью принял сторону отца, которого никогда не знал. Да и был ли он когда-нибудь на моей стороне?

Я быстро вышла из спальни сына, пытаюсь убежать от всей этой ситуации, заложницей которой стала. Проскользнула мимо Виктора, который вышел следом.

— Я не буду говорить тебе спасибо. Ты не имел права вмешиваться! — прошипела я, а он лишь усмехнулся.

— Ты еще не поняла, Романа? Я теперь имею все права на сына и на тебя тоже.

Глава 11. Романа

Я чувствовала себя оглушенной. Состояние было такое, как будто я несколько месяцев подряд не высыпалась от слова совсем. У меня такое было еще до рождения Руслана (когда приходилось совмещать учебу и работу), а после рождения и подавно. Бессонные ночи имеют обыкновение накапливаться и вмазывать тебе в самый неподходящий момент. Хотя когда, скажите на милость, момент для этого подходящий?

Отведенной мне комнате мог позавидовать лакшери-отель, но мне было плевать на роскошества и прочие прелести проживания в доме Огнинских. В частности, у них был огромный летний бассейн, вид на который открывался прямо из моего окна.

Еще бы был от этого толк...

Толк был от команды, которую я собирала долгие годы, потому что первым делом я позвонила Ане, своему ассистенту и сказала, что по личным обстоятельствам меня не будет примерно неделю. Может быть, чуть больше, и она сказала, что все разрулит. Ане я доверяла как себе, не говоря уже о том, что у меня были отлично налажены все бизнес-процессы, залипать на которых сейчас не было необходимости. За обозначенное время я планировала разобраться с Бёрном, с Русланом, со всем этим кошмаром, который на меня обрушился, и вернуть себе свою жизнь. В конце концов, я ее заслужила.

Заслужила тем, что много, долго, честно и качественно работала, а не тем, что «Вселенная подала».

По-хорошему, мне надо было бы поспать, но у меня то ли на адреналине, то ли после выпитого кофе отказывались закрываться глаза. Я приняла душ и проворочалась еще с пару часов в постели, после чего поняла, что занятие это бессмысленное, и ходить мне весь день оглушенной цаплей.

С этой мыслью я открыла блэкаут-шторы и подошла к окну, чтобы увидеть Бёрна, который преспокойненько себе рассекал в бассейне. Как будто у него тоже не было этой бессонной напряженной ночи, хотя... для него Руслан — просто трофей, ценный приз, способ сделать мне больно. К сожалению, мой сын этого совершенно не понимает. К сожалению, когда поймет, ему тоже будет очень больно.

Тем не менее пока я смотрела вниз, в памяти невольно всплывало наше с ним прошлое. То, в котором Виктор Бёрн казался мне лучшим мужчиной на свете. Мы познакомились, когда я только-только поступила в университет, а он его заканчивал. Я была на экономическом, он на юридическом, и по-хорошему нам не грозило встретиться, но мы оба любили плавание. В университетском бассейне мы и столкнулись, а точнее, меня столкнули в бассейн.

Однокурсник, Марк Ростов, который со мной заигрывал с самого первого дня и которому я ясно дала понять, что между нами ничего нет и не может быть, но у него это спровоцировало спортивный интерес, а еще подкаты в стиле первоклассника.

В итоге я просто шла к своей дорожке, а он налетел сзади и толкнул меня в бассейн. Честно говоря, я даже испугаться не успела, потому что сгруппировалась автоматически, ушла под воду, а в следующий момент меня уже вздернули на поверхность сильные руки.

— Все в порядке? — спросил парень с потрясающим низким, сильным голосом и совершенно невероятными глазами цвета горького шоколада. Это потом я заметила в нем множество других достоинств, но сначала попросту залипла на эти глаза.

Поэтому вместо ответа просто кивнула, а Виктор легко подтянулся на руках и в одно мгновение оказался рядом с оторопевшим Марком. А Марк спустя секунду оказался прижат мордой к кафелю с вывернутой за спиной рукой и вытаращенными, как у рыбины, глазами.

— Извинись, — приказал Бёрн, и тот быстро пробормотал:

— Извини.

После чего был отпущен и сбежал, бросая в нашу сторону злые взгляды. А Бёрн присел на бортик и протянул мне руку. Из чистого упрямства я ее не приняла, а еще очень сильно разозлилась.

— Ты всех, кто тебе не нравится, возишь мордой об асфальт?

— Или о плитку, — совершенно не смутился он. — Как повезет, но тех, кто поднимает руку на девушку — в обязательном порядке.

Я фыркнула. И поплыла по дорожке в сторону лесенки, еще не понимая, как я попала. Отказов Бёрн не принимал уже тогда, а сейчас, судя по всему, все только усугубилось.

Я выдернула себя из воспоминаний и обнаружила, что он уже вылез из воды и сверкает своей широкой грудью, идеальным прессом и мышцами, и тут же отвернулась. Не хватало еще его рассматривать!

Впрочем, поплавать я бы и сама не отказалась, плавание всегда меня бодрило и расслабляло одновременно. Иными словами, после хорошего заплыва вероятность хорошенько выспаться возрастала в разы. Поэтому я спустилась вниз, нашла горничную и выяснила, что мои вещи и вещи Руслана уже привезли. Ко мне в комнату мой чемодан не доставили только потому что посчитали, что я сплю.

И да, я включила в список купальник, потому что несколько раз в неделю ходила в бассейн, это был мой способ расслабиться и снять стресс, и пренебрегать им здесь я не собиралась. Убедившись, что Бёрн ушел, я спустилась вниз в купальнике, парео и с телефоном. Я обещала Ане, что буду на связи, несмотря ни на что, и обещание свое нарушать не собиралась.

Вот только вместо Ани мне позвонил Роман. Я как раз проплывала шестой круг, когда увидела высветившееся на дисплее имя: «Будущий муж». Это сделала Ваня, выхватив у меня смартфон, когда мы обсуждали ее перспективный отдых на Мальдивах. Я хотела переименовать, но забыла, а потом случилось все то, что случилось.

— Привет, — сказала я, дотянувшись до шезлонга и отвечая на звонок.

— Привет, — раздался его счастливый голос. — Я вернулся из командировки пораньше и сразу решил тебе позвонить. Как насчет ужина сегодня вечером? В «Лайтс».

Глава 12. Романа

Первый порывом было отказаться. За последние сутки моя хорошо отлаженная как часы жизнь буквально трещала по швам: сначала похищение Руслана, затем встреча с Бёрном, бессонная ночь, и вот я уже переезжаю из своей родной уютной квартиры в этот пусть и роскошный, но холодный дом. Ну какие мне сейчас свидания? Тут бы со всем разобраться, а не личную жизнь налаживать!

Но потом я вспомнила слова, а точнее, условие Бёрна про «не водить мужиков». Не будь его, возможно, я бы все отменила. Но оно было.

Водить сюда я никого не стану. А вот сама пойду на свидание.

Поэтому я ответила Роману:

— Я смогу после шести.

— Отлично, — в его голосе послышалась улыбка. — Заехать за тобой в шесть?

Я представила в красках, как называю этот адрес, а потом жду своего бойфренда за воротами, и поперхнулась.

— Давай встретимся прямо в «Лайтс» в шесть тридцать?

— Давай. Буду ждать нашей встречи с нетерпением!

Он отключился, а я вернулась в бассейн. Рассекая в прохладной воде, я думала. Думала о том, что не стану кроить собственную жизнь из-за мужчины, который однажды разбил мне сердце, а теперь считает нормальным говорить мне, что делать и куда идти. Нет, я больше не влюбленная дура. Однажды Виктор уже разрушил меня до основания, на этот раз я ему этого не позволю.

Люди Огинского привезли мои вещи в больших чемоданах, но я достала и развесила только самое необходимое. Я не собиралась оставаться в этом доме больше выделенной на все про все недели. Чем дольше я нахожусь рядом с Виктором, тем выше риск того, что он вновь все поломает. Мою жизнь. Мою карьеру. Мое душевное равновесие.

В обед ко мне постучался тот коренастый мужик, представился как Тарас и спросил, хочу ли я пообедать в столовой. Я согласилась исключительно потому, что собиралась увидеться с Русланом. Но, как оказалось, сын предпочел со мной не видеться и закрыться в своей новой комнате, а у Виктора были свои дела, поэтому обедала я в гордом одиночестве. Мне доставили еду из грузинского ресторана, известного в нашем городе и с отличной кухней, но я успела расстроиться из-за сына и почти не почувствовала вкуса.

Стучаться к Руслану я не стала: в конце концов, у меня тоже была гордость. Я написала Стасу, что с его другом все в порядке, а парень ответил мне, что уже в курсе. То есть с друзьями Рус общался, а со мной нет.

Несмотря на его попытки выставить меня манипулятором, я всегда старалась общаться с сыном честно, как с равным. Возможно, это и было ошибкой, потому что такая критическая ситуация тут же проявила все проколы в наших отношениях. Одно то, что Руслан готов был полностью от меня отказаться ради отца, которого знал от силы пару часов, говорило о многом. О том, что как мать подростка, я не справилась. Не вывезла.

Но кто же знал, что Руса похитят враги Бёрна? Кто они вообще такие? Вопросы, которые стоило адресовать Огинскому, но я не спешила искать его и обо всем расспрашивать. Если честно, мне нужен был от него отдых. Возможно, свидание — действительно не худшая идея.

Я завела будильник на пять часов и оставшееся время проспала. А после сделала легкий макияж, уложила волосы и надела молочное платье-лапшу. Привычка быть красивой и уверенной вошла в мою повседневность настолько крепко, что даже личные драмы сейчас не отразились на внешности. Я осталась довольна своим отражением в зеркале. В конце концов, мне просто необходимо было развеяться.

Правда, спустившись на первый этаж, я столкнулась с неожиданным препятствием в виде того же Тараса.

— Вы куда-то собрались? — недружелюбно поинтересовался он.

— Я должна перед вами отчитываться? — опешила я.

— Не передо мной, а перед Виктором Романовичем.

Я посмотрела ему прямо в глаза и строго ответила:

— Вот и отчитывайтесь перед Виктором Романовичем. Можете передать, что вернусь поздно.

Я не собиралась задерживаться надолго и последнее сказала скорее из вредности. Чтобы позлить Виктора. Потому что сама была на него зла. Еще бы приковал меня к батарее, честное слово! Чтобы далеко не ушла. Мстительная сволочь с короткой памятью!

Наверное, это были не лучшие мысли перед свиданием. Вообще вспоминать бывшего, когда встречаешься с нынешним — такое себе. Но на встречу я прибыла в боевом настроении: благо, моя машина так и стояла за воротами особняка.

«Лайтс» находился на крыше лучшего пятизвездочного отеля нашего города, с панорамными окнами и с роскошными видами на реку с одной стороны и на город — с другой. Каждый столик украшали крошечные декоративные торшеры, которые зажигались, когда опускались сумерки. Сюда приходили ради свежего бара морепродуктов или поесть отличные суши. Ресторан отлично подходил для деловых встреч днем, для свиданий — вечером.

Роман уже ждал меня за одним из столиков возле панорамного окна, и поднялся, когда я подошла, галантно отодвигая для меня кресло и целуя в щеку.

— Прекрасно выглядишь, Романа.

Он был не таким высоким как Виктор: в общем, мы были одного роста, когда я надевала каблуки. Но мне это нравилось, потому что Роман не возвышался надо мной скалой. И не такой качок, как мой бывший. При этом спортивный: он говорил, что любит велоспорт и ходит на айкидо. И, разумеется, Роман не был ходячим айсбергом, рядом со мной он часто улыбался, отчего на его скулах появлялись симпатичные ямочки. Что придавало ему мягкости. После моей истории с Виктором я избегала жестких мужчин, опасалась снова вляпаться... во что-нибудь нехорошее.

— Спасибо, — поблагодарила я, опускаясь в кресло напротив.

— Что хочешь?

— Роллы с крабом. Это мои любимые.

Мы сделали заказ, и я поймала его на том, что Роман как-то пристально меня рассматривает.

— Что?

— Просто соскучился.

— Просто соскучился?

— Да. Не думал, что мне будет с кем-то настолько хорошо, как с тобой. А тебе?

Было ли мне хорошо? Наверное, я была бы рада стереть вчерашнее, тогда бы я радовалась сегодняшнему свиданию больше. Волновалась немного, но наслаждалась. А так я все время думала про сына. И про Виктора.

Ответить я не успела, потому что в «Лайтсе» внезапно материализовался злой персонаж моих последних мыслей.

Это уже становилось плохой привычкой.

Глава 13. Виктор

День пошел по пизде в тот момент, когда я увидел Роману в купальнике. Я как раз собирался на встречу с Монахом и увидел ее: она спустилась к бассейну с таким видом, как будто этот дом принадлежал ей. Как будто все в мире принадлежало ей. Когда я улетал в Штаты, я оставлял здесь девчонку, в которую был влюблен по уши. Немного наивную, немного дерзкую, немного отчаянную. Сейчас передо мной была Снежная, мать ее, Королева. Которая хотела скрыть от меня моего Кая. Даже не потрудившаяся сообщить о том, что у меня есть сын, тупо поставить меня перед фактом. Не говоря уже о чем-то большем. И вела она себя в точности так же, как Снежная Королева.

Я усилием воли оторвал себя от окна и от созерцания ее прелестей: чтобы не спуститься и не наделать глупостей, которые усугубят все еще сильнее. К счастью, мне предстоял серьезный разговор, благодаря которому думать о Романи в купальнике было просто некогда.

Отец предпочитал жить в городе, Монах — за городом, оправдывая свое отшельническое существование во всех смыслах. Добираться до его крепости — иначе назвать этот монументальный каменный особняк, спрятанный за тяжелыми коваными воротами, было нельзя. По всему периметру были камеры, а встречали нас молчаливые, затаенные во все черное парни с собаками.

Доберманы замерли по стойке «смирно» у ног охранников, но спокойный вид псов мог обмануть разве что ребенка. Я прекрасно знал, как их дрессируют, и на что они способны.

В доме, несмотря на жаркий солнечный день, царил полумрак. Герман, Тарас и Игнат, следующие за мной, без лишних движений и суеты оценили обстановку, и Герман едва уловимо кивнул мне. Я был настолько далек от этого мира, насколько вообще возможно. Настолько, насколько мне позволил отец, в свое время выпихнув меня из мира криминала, разборки, продажных ментов и прочей прелести, которой я вполне мог бы заниматься, остаться я здесь.

Но я не остался.

Кабинет Монаха напоминал келью. Просторный, он тем не менее был лишен всей этой вычурной роскоши, атрибутов богатой жизни, демонстрации достатка и прочего. Отец любил окружать себя красивыми вещами и женщинами, он любил показать всему миру, чего он добился, он предпочитал дорогие курорты, роскошные виллы и частные рейсы. Монах же, насколько Герман ввел меня в курс дела, даже за границу в последние годы не вылетал. Его любимые места отдыха — Алтай и Байкал, точнее, в случае последнего, остров Ольхон, тоже были с налетом некоторой отрешенности от мирского.

Правда, как и в случае с доберманами, я предпочитал не обманываться. В том числе и его внешностью: ростом Монах едва доставал мне до плеча, даже когда поднялся. Он был возраста отца, но выглядел на пятьдесят. Или на семьдесят. Или вообще хрен знает на сколько. Он шагнул мне навстречу, первым протянул руку.

Которую я не принял.

— Ты похитил моего сына, — сказал я.

Он не изменился в лице.

— Прежде чем кидать предьявы, Виктор Романович, — произнес он настолько спокойно, насколько вообще может звучать человеческий голос, — нужно основательно проверять информацию.

— Это были твои люди... — начал было Герман, но под его взглядом осекся.

— Как ты смотришь на то, чтобы поговорить один на один? — Монах смотрел исключительно на меня.

Абсолютно лысый, с разрезом глаз, ближе к азиатскому, чем к европейскому, он напоминал профессора Ксавье из какой-то голливудской экранизации. Вот только профессор Ксавье

сидел в инвалидном кресле, а Монах вполне уверенно стоял на ногах, и его крепкое, жилистое тело было сильным, выносливым и тренированным. Это было видно даже под костюмом, по его движениям и по сквозящей в них силе.

Я кивнул Герману, и тот вышел. Следом за ним вышел стоявший за спиной Монаха амбал. Хотя мне показалось, что он был нужен здесь как собаке пятая нога. Я занимался крав-мага и умел отличить противника опасного от очень опасного. Монах был выше самого последнего деления на шкале опасности.

— Что ж, садись, Виктор Романович, расскажу тебе все, как на духу. — Он кивнул на кресло, дождался, пока я опущусь в него, и сел сам. Напротив.

— Что за вопросы у тебя остались с моим отцом?

— Если бы я хотел дать тебе знать, я бы с этого начал. Твой отец мертв, наши с ним вопросы уже закрыты. Я не переношу грехи отцов на детей и уж тем более я не похищаю детей для того, чтобы заставить кого-то прийти ко мне. Особенно когда тебе это нужно больше, чем мне.

— Почему именно мне?

— Потому что тебе есть, что терять, Виктор Романович. — Монах усмехнулся, но глаза его не улыбались. Оставались такими же жесткими и холодными. — А это самый сильный инструмент давления, который только можно представить.

— Если не ты, то кто? — прямо спросил я.

— Именно об этом я и хотел с тобой поговорить. Об этом и о том, что отец твой умер не просто так. Ему помогли.

Глава 14. Романа

Роман сидел спиной к выходу, поэтому не мог видеть надвигающуюся бурю. А вот я видела, как Виктор безошибочно отыскивает меня взглядом, как его глаза темнеют до цвета горького шоколада. Конечно, с такого расстояния я не могла уловить такие оттенки, но могла это представить, когда бывший яростно сжал губы в тонкую линию. Сразу стало понятно: это не случайная встреча, Бёрн здесь по мою душу. Или по тело, с какой стороны посмотреть.

Виктор направился в нашу сторону, а я порадовалась, что мне еще не принесли роллы. Потому что я бы подавилась от одного его взгляда, направленного на Романа.

Видимо, все это отразилось на моем лице, потому что «будущий муж» тоже оглянулся.

— Что такое, Романа? Ты словно призрака увидела.

— Призрака прошлого, — ответил вместо меня Виктор, останавливаясь возле нашего столика и кладя мне руки на плечи.

От властного собственнического прикосновения у меня по коже побежали мурашки, но я усилием воли заставила себя сидеть прямо. Я взрослая самостоятельная женщина, а не нашкодившая школьница.

Роман от такой наглости опешил больше моего.

— Романа, это кто?

Я хотела ответить, но Виктор снова меня перебил:

— Вот и мне интересно. Романа, это кто?

Его пальцы надавили мне на плечи, когда я попыталась высвободиться. Легко, предупреждая, что разозлило меня еще сильнее.

— Роман, познакомься, это Виктор Огнинский. Мой бывший и биологический отец Руслана. Виктор, это Роман Вербицкий. Мужчина, с которым я встречаюсь.

Бёрн даже не протянул Роману руку, впрочем, тот тоже не стремился к нормальному человеческому общению. Стоило мне представить бывшего, как нынешний изменился в лице: ямочки исчезли, черты заострились и стали хищными, брови сошлись на переносице.

Виктор заглянул мне в глаза и сказал:

— Скажи, что вы встречаетесь по работе, Ромашка. Я прошу тебе твой неумный трудоголизм, но не нарушение нашего договора.

— Ты простишь? — ошалело переспросила я.

— У нас свидание, Виктор, — вклинился в нашу битву взглядов Роман. — А у меня самые серьезные намерения в отношении Романы.

— Которые ты сейчас засунешь туда, откуда никто и никогда их не сможет достать, — отрезал Бёрн. Он не повысил голос, но этого ему не требовалось. Обычно после такого тона в прошлом все его слушались. Но Роман был не из тех, кто так просто сдается.

— Ты бухой, что ли? Романа пошла на свидание со мной!

— А уйдет с этого свидания она со мной.

Воздух между мужчинами наэлектризовался так, что, наверное, мог осветить весь ресторан, который, даже судя по названию, на недостаток освещения никогда не жаловался.

Я поняла, что ничем хорошим это все не закончится. Зная Виктора, помня его ревность в прошлом, я на полном серьезе начинала беспокоиться за сохранность ямочек своего парня. Он уже в открытую угрожает Роману, а что будет дальше?

На нас уже поглядывал персонал, поэтому я решила поставить точку в зреющем конфликте и все-таки, стряхнув ладони Виктора, поднялась.

— Прошу прощения, Роман. Мне надо поговорить с Виктором. Я скоро вернусь.

— Не вернешься, поэтому можешь с ним попрощаться, — подлил масла в костер моего и без того едва сдерживаемого раздражения Бёрн.

— Вернусь, — упрямо повторила я и зашагала в сторону уборных. Мне не нужен был туалет, но в ту сторону вел длинный коридор вдоль панорамного окна, заканчивающийся тупиком, где можно было спокойно поговорить без свидетелей.

До тупика мы дойти не успели: стоило нам оказаться наедине, Виктор толкнул меня к окну, вжимая собой в стекло, и захватил мои волосы в горсть, заставляя запрокинуть голову и смотреть ему в глаза. Я же почувствовала себя бабочкой, которую поймали и заключили в картину.

— Ты с ним спишь? — прорычал он мне в губы.

— Что?

— Ты спишь с этим тубиком?

Я попыталась прийти в себя. Собрать себя по кусочкам, потому что в своей нынешней жизни я привыкла к более цивилизованным мужчинам. Да что там, я после Бёрна вообще к себе никого не подпускала. Боялась, что встречу такого же. Влипну в подобные ненормальные отношения, в которых растворяешься. Была в терапии, возвращала в себе стержень. И вот я снова бабочка в его руках.

— Какое тебе дело до того, с кем я сплю?

— Ты мать моего сына!

— О котором ты узнал меньше суток назад, а уже умудрился нас рассорить, — выплюнула я ему в лицо. Вот честно, хотела поговорить спокойно, но в случае с Бёрном у меня никогда этого не получалось.

— Я задал вопрос, Романа: он тебя трахает?

Наши отношения с Романом были далеки от горизонтальной плоскости, но я не собиралась оправдываться или раскрывать Огнинскому свои секреты. Особенно ему!

— А ты думал, я буду сидеть и терпеливо ждать тебя? — хмыкнула я, испытывая почти извращенное наслаждение, наблюдая за тем, как от бешенства темнеет его лицо. — Виктор, ты не имеешь права вмешиваться в мою личную жизнь. Ты лишился его, когда бросил меня в прошлом.

— Это ты ушла.

— Ты мне изменил!

Глава 15. Романа

Он не имел права предъявлять мне претензии! Кто угодно, только не Виктор. Перед глазами снова замелькали сцены из прошлого, это уже стало дурной традицией: каждая наша встреча, каждое столкновение с ним заканчивалось воспоминаниями, которые я считала давно забытыми. А ведь это было словно вчера. Почти как вчера, только шестнадцать лет назад, оставалось чуть больше трех недель до того, как я узнаю, что беременна и чуть больше недели до того, как Виктор уедет в Штаты.

— Я принесла тебе платье, — сказала Ваня. — Тусовка у Мелихиной — это не то место, куда можно прийти как простушка.

— Мне кажется, или ты сейчас назвала меня простушкой?

— Не тебя, а твою одежду. Прости, детка, но ты правда одеваешься... простенько.

И в этом была вся Ваня. Она родилась в семье богатых родителей, ее отец работал в международной компании, постоянно летал по всему миру и компенсировал свое отсутствие дорогими подарками, новенькими моделями смартфонов (сразу после выхода) и брендовыми шмотками. Моя мама работала учителем в школе, а отец — главным энергетиком градообразующего предприятия. Я никогда не переживала, что не могу одеваться так, как Ваня, или всегда ходить с новой моделью смартфона, но кое в чем она была права. Виолетта Мелихина была из ее круга... точнее, была бы, не дружи Ваня с нами, со мной и со Светкой. Как-то раз Виолетта спросила ее прямо в лоб:

— Что ты нашла в этих лохушках?

А Ваня засветила ей в глаз кулаком и сказала, что если она еще раз назовет нас лохушками, она затолкает ее брендовую помаду туда, где побывали уже многие. Ване повезло, что у нее был влиятельный отец, но с тех самых пор Виолетта обходила ее стороной. А еще Мелихина была влюблена в Виктора, я это точно знала. Она не раз и не два пыталась к нему подъехать уже после того, как мы начали встречаться, но Виктор любил меня.

Я это знала.

Я это чувствовала.

По большому счету, я шла на эту тусовку исключительно ради него: потому что его лучший друг встречался с Виолеттой, а она позвала их на день рождения, и Виктор очень хотел, чтобы я пошла с ним. А я хотела пойти с ним.

Поэтому в тот вечер я согласилась надеть платье, которое мне принесла Иванна: алое, в пол, а еще она принесла к нему сумочку и драгоценности.

— Считай, что я дала тебе их в аренду, — сказала она, когда я попыталась отбрыкаться.

— В аренду? Мне нечем платить.

— Курсовик мне напишешь, — фыркнула Иванна. — Seriously, Ро, ты с дуба рухнула? Какие деньги? Я просто хочу, чтобы ты была самой красивой на этой вечеринке!

Признаться честно, я и сама этого хотела. У меня не было комплексов по поводу внешности или по поводу своих луков, но рядом с Виктором я временами чувствовала себя... простушкой. Принимать от него дорогие подарки или деньги я бы никогда не смогла, а он, поначалу пытавшийся меня возить по дорогим магазинам или подсунуть мне новенький смартфон в подарок «просто так», со временем это понял. Понял, что мне нужны от него не подарки, не деньги, а именно он сам.

Но сегодня мне предстояло оказаться среди девушек, для которых выглядеть так, как я сейчас — обычное дело. Они каждый день так одеваются для выхода в ресторан. Разглядывая свое отражение, я просто себя не узнавала. Волосы мне тоже помогла уложить Ваня: несмотря на то, что вокруг нее всегда прыгали стилисты и визажисты, она была на «ты» с укладками и макияжем.

— Никогда не знаешь, когда соринка в глаз прилетит, — говорила она.

Поэтому превращение Романы в принцессу прошло легко и быстро.

— Ну вот. Теперь можешь ехать на бал, как настоящая Золушка.

— Главное, чтобы карета не превратилась в тыкву, — немного нервно пошутила я, глядя на незнакомку в отражении.

В красивом платье, с убранными наверх волосами — со стороны могло показаться, что эту прическу я сделала просто на раз-два и двумя выпущенными вдоль лица волнистыми прядками.

— Моя Мальвина недавно прошла ТО, — хмыкнула Ваня. — Так что никаких тыков не ожидается.

Мальвиной она называла свою новенькую иномарку, «Порше», которую ей подарил отец на восемнадцатилетие. Она и впрямь была такого ярко-голубого цвета, обтекаемая, и имя свое получила в цвет волос главной героини Алексея Толстого.

Праздновала Виолетта в загородном коттедже родителей, и, когда Ваня привезла меня к дому, оттуда уже гроыхала музыка и доносились пьяные крики. Судя по звукам, кто-то с визгами нырял в бассейн, и не просто нырял, а прыгал с разбегу.

— Мне кажется, или праздник пошел не по плану? — фыркнула Ваня.

Я пожала плечами. Виктор говорил, что может за мной заехать, но тогда ему бы пришлось пропустить секцию борьбы, а он этим горел, и я сказала, что меня привезет Ваня. Ему как раз хватало времени, чтобы переодеться и приехать на вечеринку, и мы договорились встретиться здесь.

— Подарок с меня, — сказал он в приказном порядке. Как, в общем-то, делал постоянно. — И не спорь.

Я бы поспорила, но я понятия не имела, что дарить Мелихиной, а точнее, даже не могла представить, что ей могу подарить я.

— Давай я тогда хотя бы цветы куплю? — предложила я.

— Ромашка, ты меня убиваешь, — фыркнул он. — Все, не дури. С меня цветы и подарок, с тебя ты и твоя красота.

Я очень хорошо помню, как тогда покраснела. Я не была из тех девушек, которые легко принимают комплименты, да я в принципе не была из тех, кого сложно смутить. Я не была пробивной, как Ваня, или яркой, как Мелихина. Но все-таки он выбрал меня, старшекурсник, по которому сохла чуть ли не вся женская половина нашего универа, и от его «Ромашка» сердце сначала сладко замирало, а потом начинало колотиться, как сумасшедшее. Как будто не просило, а требовало выпустить его из клетки ребер.

— Давай, хорошо тебе там повеселиться! — Иванна помахала рукой, а я позвонила в домофон и, когда дверца щелкнула, пошла по дорожке в сторону коттеджа.

Меня никто не встречал, и я достала телефон, чтобы позвонить Виктору. Он почему-то не ответил, и я, написав сообщение и снова не дождавшись ответа, помявшись, все-таки решила войти. В холле на меня налетел какой-то пьяный парень и присвистнул:

— Вау! Какая красотка! Ты с кем, детка?

Я быстро отпрыгнула от него и поспешила в комнату в надежде увидеть хотя бы одно знакомое лицо. Но то ли Виолетта не позвала никого из универа, кроме меня, Виктора и своего парня, то ли мне просто так «повезло». В гостиной стоял густой дым от кальяна и сигарет, и я хотела уже снова выйти на улицу, когда увидела подругу Виолетты, Алену.

— Алена! Ален! Ты не знаешь, Виктор приехал?

Та оторвалась от поцелуя взасос с мужчиной, которому было лет тридцать, а потом хихикнула и махнула рукой в сторону лестницы.

— На втором этаже, первая дверь направо.

Что он там делает?

Какое-то странное чувство говорило мне, что лучше туда не ходить, но я все-таки пошла. Поднялась, толкнула дверь и увидела Виктора, который устроился между бедер Виолетты и резко входил в нее на всю длину.

Я помнила, как меня накрыло тогда. Но сейчас меня почему-то накрыло не меньше, и я силой толкнула Берна в грудь.

— Пошел на хрен!

Это то, что я должна была сказать тогда. То, что я должна была сделать, а не убегать в слезах, путаясь в подоле платья после его слов: «Да брось, Ромашка. Не делай из херни драму». Он извратил все, даже то, как называл меня, то, что я считала проявлением любви... и сегодня он не имел права называть так.

Я обошла его и успела сделать всего лишь шаг назад, в зал ресторана. Всего один-единственный шаг, но Виктор догнал меня и легко перекинул через плечо. Для него я была и оставалась пушинкой, от резкой смены положения в пространстве зашумело в ушах, а еще в ушах зашумело от ярости и гнева.

— Поставь меня на ноги! — зашипела я. — Немедленно! Бери!

— И не подумаю, — хмыкнул он, — а будешь дергаться, получишь по заднице. На глазах у всех.

Сказать, что я охренела — значит, ничего не сказать, а Виктор уже прошел через холл к лифту мимо моргающих на нас администраторов. Одна из девушек как держала папку брони перед собой, так и застыла.

И охранники тоже застыли, когда Виктор совершенно невозмутимо ткнул в кнопку вызова лифта.

И никто! Никто! Его не остановил.

Глава 16. Романа

Мы не разговаривали по дороге в дом Бёрна. После того, как на парковке я уже спокойный тоном попросила его поставить меня на ноги и сказала, что оставила сумку в ресторане, Виктор просто запихнул меня в машину со словами:

— Герман заберет.

Если можно было впасть в еще больший шок, я в него впала. Наверное, только поэтому не попыталась выбраться из машины и бежать куда глаза глядят. Лишь бы подальше от этого неандертальца. Поэтому, и еще немного потому, что мне по-прежнему был дорог мой сын, которого Бёрн у меня отобрал. Да и куда бы я побежала? На каблуках и в узкой юбке. Виктор догнал бы меня за минуту.

Я чувствовала себя в ловушке, застигнутая врасплох воспоминаниями о самом жестоком уроке. Виктору нельзя верить. Ему нельзя доверять. И как я могла оставить сына рядом с мужчиной, для которого чужие судьбы так, ерунда, игрушка?

Я всю дорогу боролась с комом в горле, который рисковал обернуться злыми слезами. Нет, я больше не собиралась перед ним плакать, хватит и того, что он видел мои слезы в прошлом. Больше такой радости я ему не доставлю.

Я излечилась от этой чумы имени Виктора Огнинского.

Сам Бёрн, очевидно, считал иначе, потому что, припарковав авто во дворе, открыл для меня дверь и потащил меня за руку в другую от парадного входа сторону. Туда, где за эти несколько лет появилась белоснежная беседка с видом на реку.

Впрочем, до беседки мы не дошли: я отняла ладонь через пару шагов.

— Хочешь снова ехать у меня на плече кверху задницей?

— Хочешь поговорить, так и скажи. — Я сложила руки на груди. — Хватит таскать меня как какую-то зверушку!

— Говорить? — Его взгляд врезался в меня. Кажется, пока я сдерживала слезы, Бёрн давил в себя ярость. — Я считал, что выразился ясно насчет мужиков. Ты это сделала, чтобы меня выбесить? Думаешь, я шутки с тобой шучу?

— Я просто живу свою жизнь, такой вариант ты не рассматриваешь? Я решила сходить на свидание с мужчиной, которому безразлична. Представляешь, мой мир больше не вертится вокруг тебя, Виктор! Я уже другая женщина. Пойми ты это наконец и перестань быть козлом!

Он открыл рот, чтобы ответить, но я его перебила:

— И не надо мне читать нотации по поводу дурного примера сыну. Тебя с нами не было. Ты предпочел сначала трахать Мелихину, затем учиться за границей и жить свою лучшую беззаботную жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.